

Владимир Лисуков

Бабушка В

и все, все, все...

Владимир Иванович Лисуков

Бабушка В и все, все, все...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29175368

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга не биография и не учебник по стихосложению. Скорее краткие заметки очевидца, вляпавшегося в проказу поэтического творчества, с практическими примерами из собственного опыта. Подозреваю, что кому-то может быть интересно, как оно изнутри. И ещё я понятия не имею, кто такие «... все, все все», потому что название сборника возникло совершенно независимо от воли автора, безальтернативно и в окончательном варианте. Не вижу смысла гадать, если дело сделано. А как сделано – решать тебе. Нескучного чтения!

Содержание

Часть первая. Дела давно минувших дней. Где-то до конца 80-х.	4
Часть вторая. Реинкарнация на стихире (В.Иваныч, Владимир Лисуков) 2002-2009г.	6
Часть третья. Арестарх Шкап (А.Шкап) или первый блин комом (2004 -2008г).	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть первая. Дела давно минувших дней. Где-то до конца 80-х.

Сил было невпроворот. И время казалось бесконечным. А горы рифмованного мусора не пугали, а вдохновляли на новые «подвиги».

«Пел, свистел, рассказывал анекдоты». Кувыркался в агитбригаде. Ещё и наукой занимался в свободное от работы и литературы время.

Совет «редакции» одного из центральных литературных журналов «серьёзнее относится к поэзии» воспринял как удар ножом в спину. Да я тут ночами... А они «несерьёзно».

Господа начинающие авторы! Обзаводитесь квалифицированными литературными критиками, иначе рискуете спустить в канализацию лучшие годы жизни!

В конце концов подорвался на непосильной творческой задаче и возненавидел себя, литературу вообще и поэзию в частности.

Появился повод занялся более насущными проблемами. Должен сказать, что это были не худшие годы в моей жизни.

Из содеянного, сегодня, полного отторжения не вызывают разве что эти строки.

***

Белокрылые птицы кружат,
Как сполохи в ночной тишине.
А я словом, как камнем могильным прижат
И друзья зря поют обо мне:

«Что за горе боязнь высоты?
Ну! Смелее! Ведь раз лишь живём!
Как же так, без любви и не зная красоты,
И уже не жалеть ни о чем?»»

Потянула за сердце струна.
По щеке мне хлестнуло крыло.
Но не смог я – упал.
Как черна глубина.
Надо мной небеса замело.
1979г.

Часть вторая. Реинкарнация на стихире (В.Иваныч, Владимир Лисуков) 2002-2009г.

Рифмованные строки начали проступать в сознании, как стихи Винни Пуха: «Бум бурум, бурум бучилки, тум турум пурум тачилки». И никуда от этого было не деться. Постепенно слов становилось всё больше и, к концу 2002 года, появились первые графоманские поделки, которые ваш покорный слуга оценивал весьма высоко.

Раз поэзия вернулась, то встал вопрос о литературной стае, к которой следовало бы прибиться.

Поскольку в Минске вообще ничего не нашел, то полез в интернет. Слава богу, что первым подвернулся сайт stihi.ru.

Старая стихира – апофеоз творческой вольницы, всего самого высокого и низкого в человеческом общении, школа поэзии, которой никогда раньше не было и, похоже, больше никогда не будет.

Сразу обнаружил, что я ноль и звание моё «лох». Такие авторы! Такие стихи!!! Ума не приложу почему решил остаться. Наверно во мне уже окончательно укоренилось понимание того, что халява в жизни – не моя история. Только пахать по-черному и вырывать зубами.

Начал учиться и подражать всем подряд. Обнаружил, что чужое вдохновение – отличный трамплин для собственного. За некоторые «полёты с чужих трамплинов» и сегодня не стыдно.

***

Весна расщедрилась и душу отпустили
Осенний сон и зимняя бравада.
Легко на сердце. Для любви не надо
Каких-то дополнительных усилий.

Веселый жар и сладкое томленье.
Подбрасывает тело, словно мячик.
И снова я влюбленный щедрый мальчик.
И снова не знакомо мне сомненье.

Синтон на «Весна расщедрилась на звонкие ручки...»
(Дмитрий Артис)

***

Тьма прошлого – причина и ответ,
утаскивает дни в свою берлогу
и что-то там бормочет. Силы нет
сносить ее стенанья. Понемногу
свыкаюсь с ощущением вины
за пошлые, бездарные минуты,

спрессованные в годы. Холодны
её глаза, как льдинки, почему-то.
И взгляд не отвести, не убежать
и, даже позабыть не удастся,
что где-то впереди ее встречать
там, где сама с собой она сольется.

Синтон на «кругосветка»
(Катя Непомнящая)

Затменье.

Нигде спасения мне нет
Среди затменья.
Слова как ультрафиолет
Зудит и жженье.

И все не то, и все не так
Качаюсь пьяно.
Веду чужую, как дурак,
Из ресторана.

Зачем-то музыка во мне,
Томленье, нега.
Топлю беспомощность в вине
И куче снега.

Иду, не чувствуя подошв,
На сердце рана.
И пусть меня ты где-то ждешь.
По барабану!

Синтон на «нигде спасенья нету...» (Абеляр)

Ну, и что-то своё понемногу стало прорезаться сквозь завалы проб и ошибок.

***

Уснуть под звуки первой вьюги,
Уйти от тягостных забот.
Презент за муки и заслуги -
Мешок чудес под новый год.

От чистых звуков верной лиры
Щемит и чешется в носу,
А вы бессмысленно красивы,
А я пустую чушь несу.

Закружит вихрем вдохновенья,
Всхрапнув, помчит лошадка ввысь
И нет ни капли сожаленья,
И скажет Гена: «За...сь».

Смутившись, Ляо покраснеет,
Глаза Катюни – темный яд,
Исчез Иван, а сердце тлеет,
Мозги поверить не хотят.

Сергея с Димой строят планы
По постижению души,
А мысли снова окаянны
Молчи и даже не дыши.

Дурной привычкой быть хорошим
Закручен в кокон, сверху бант
И громко хлопает в ладоши
Случайно-встречный дилетант.

Под свист неугомонной вьюги
На спину ступит новый год.
Молчат приятели, подруги
И лишь душа меня зовет.

***

Поговорим?
Конечно же слова,
довольно никудышняя замена,
желанию коснуться непременно.

И кружится пустая голова.

Поговори,

со мною.

Я сольюсь

с улыбкой растворяющейся боли,

смирено безнадежный алкоголик,

дорвавшись, обалдевши,

так напьюсь!..

Пожалуйста, со мной поговори,

как с другом достопамятно знакомым,

дорогой под ногами, отчим домом,

знамением подкравшейся зари.

Пожалуйся бесчувственному мне

на глупость и умчавшую удачу.

Я, смутное, в слова переиначу,

согрею на безжалостном огне.

Обманами нас стравливает жизнь.

Доверие – опасное лекарство.

Безмерно лжи разнузданное царство,

но всё-таки поверь и расскажи.

Надежные как сейф сухие пни,

хранящие загубленные годы.

Страстями исцарапанной колоды

доверие

прими и отдохни.

Не сдвинуться мне. Пробовал бежать,

запрятаться, сойти и раствориться.
Бессмысленно!!! Вы можете садиться,
сударыня. Судьбы не избежать.
Затравленные страстью, помолчим.
Затраханые жизнью, посмеёмся
над тем, чего боимся, и сорвемся
в отчаянно целебные ключи.
Пожалуйста,
со мной
поговори...

Юбилей.

Мужчина, «отдохнувший» на работе,
попутно схлопотавший где-то в морду,
пришел домой, ну вы меня поймёте,
в такие сроки, что уже не гордый.

Готовясь к злым речам про «изувера,
которому лишь бабы да поддача»,
на всякий случай взгляд из-за торшера
бросал как можно праведней, иначе

светили ледниковые денечки
голодные и шумные к тому же.
Подруга не дошла ещё до точки

и даже собрала зачем-то ужин.

Бутылка, совершенно не по делу,
торчала среди закуси с горячим.
А дура вся лохматая сидела
и кажется вот-вот, да и заплачет.

Сомнениями мучаясь и страхом,
(Зачем всё это? Где искать подставу?),
подумав: «Да гори оно всё прахом!»,
решил, что заработал всё по праву.

Разлили, закусили. Понемногу
расслабились, как будто так и надо.
Добавили. «Что корчишь недотрогу?»
Облапил. А она уже и рада.

Прикончили. Ещё чего-то съели.
Ухмылки расплываются по лицам.
В обниму добирались до постели,
Чтоб, шмякнувшись, друг в друга погрузиться.

Пружины то стучали, то визжали,
Стонали, задыхались будто дети.
Он сразу захрапел, как горло сжали.
Она уснула только на рассвете.

Странно.

Вихря черное трико
Крутит трюки над рекой,
Вертит вереск и камыш.
Кыш!
Не пугай речную гладь.
Сядь.

А далече, там за речкой,
Крутит речи человек,
Осуждает у мужчин
Сплин.
И никак не пробудиться.
Спится.

А над крышей ветер дышит,
Серый клён едва колышет,
Сор забвения метёт.
Ждёт.
Вдруг над пыльной мостовой
Вой!

Тишина ушла за стены.
Закоулки сокровенны.

Вопли тают у стены.

Сны

Привередливы, туманны.

Странно.

Растение.

Мычит иссохшими губами.

Вокруг – кокетливый газон.

Озноб не студит. Жалит пламя.

Зубов морзяночный музон

звенит в висках.

Душа

живая

забилась в тело словно гвоздь.

Как будто нет соблазна рая

и жизни этой не стряслось?

Да шла бы к лешему!

Покоя

поди давно уж заждалась.

Лежит растение. Живое.

Пока ещё не просто грязь.

Иуда. Евангелие от Владимира. Явления и толкователи.

Уже свершилось. Как же больно!

И липнет страх к душе. Откуда
для жизни силы взять? Довольно!
Петля спасет тебя, Иуда.
За что достались смрад проклятий
да слава самых бестолковых
ему – умевшему страдать и
быть верным истине и слову?
Двенадцать праведных сомнений
вокруг беспомощно метались,
а он – вершитель откровений,
помог привить живую завязь.
И что теперь? Ему дорога
во тьму невежественной склоки?
Иного не было у Бога.
Иными не были истоки.
Великой жертвой искупленья
рождён порыв, века творящий.
А жрец, замкнувший эти звенья,
был раб, слуга. Был настоящий.
Его судьба, как страшный жребий
слова скрутить в клубок событий.
А глас ничтожеств и отребий
Забуть и...

***

... любить и даже не хотеть

любить и плыть в тягучей каше
где жрёт судьба надежды наши
и вроде силы нет терпеть
кусают лишние слова
где ты права и где я в праве
тут речи нет о липкой славе
в тумане верная братва
а день разорван на мечты
зубовный скрежет
вой скелета
и страх всё выложить за это
и швах душевной красоты
привычный ужас вновь и вновь
напоминает о финале
но мы в делах, но мы устали
но мы под пытками любовь
не продаём толпе и вою
слова – враньё глаза – враги
тебя от яростной пурги
бездушной тушей я укрою
и отодвину ту муру
что мозг сосёт неумолимо
весь мир пускай шагает мимо
я в этот день и сам умру
и будет нам с тобой легко
идти вдвоём в чудные дали

а эти страсти мы видали...
На. Пей. Остынет молоко!

Часть третья. Арестарх Шкап (А.Шкап) или первый блин комом (2004 -2008г).

Началось всё, как способ слегка развлечься. Загрипповал и остался дома. Сажу на кухне, которую считал своим кабинетом, и воспалённое воображение подсовывает мне великолепную идею изобразить из себя интеллектуального бандоса, не лишённого представлений о некой нравственности, но весьма далёкого от общечеловеческих ценностей. Проще говоря, этот тип должен был обладать совершенно не типичными для меня чертами характера: наглостью, апломбом, нахрапистостью и потребительским отношением к бабам (приношу извинения, к женскому полу).

Тогда на Стихире работа под маской была весьма популярна. Особенно преуспел на этом поприще Дмитрий Артис, создавший целую галерею весьма правдоподобных женских персонажей. Так что я и подумать не мог, что это вполне банальное занятие обернётся чем-то большим, чем кратковременная блажь скучающего графомана.

Сказано – сделано. Наклепал штук пятнадцать «виршей» и создал страницу Арестарха Шкапа – без пяти минут уголовного, хама и бабника.

***

Я кираю по Сереге
Я тоскую по дороге
Я грущу по недотроге
И сжимаю кулаки.
Рожу вытру рукавами
Дружбаны – прощаюсь с вами
Буду в чуме иль вигваме
Отбывать свои деньки.

Разговор с поэтессой.

До придурка и балбеса
Снисходила поэтесса.
Мол «такой вы злой и грубый».
«Прям – хамло». И кривит губы.
«Недоступна вам культура
В тонких поисках её».
Не сказал бы, что и дура.
Кто ж, когда постиг бабье?

Я старался не срываться
И культурнее казаться:
Не рычал, не матерился
И ещё, за час, побрился.

Излагал, как мог, про душу:
«Ложь – гнилье и все дела».
А она, и не дослушав,
Нос задрала и ушла.

Ах, ты ... глупое создание,
Шанс, чужое наказание!
Так легко определила
В чем мои беда и сила.
Пусть я грубый хам – стерплю!
Пусть в груди столпотворенье,
Но мирок твой запалю
Жгучим пламенем сомненья!

Устают бежать дворняги...

Устают бежать дворняги
И распахивают пасть.
Вот и я от передряги
Приготовился пропасть.

Снова злобный лай поднимут
Безнадега и судьба.
Повалил рассвет на спину
У позорного столба.

Пусть ничто не изменилось.
И никто ведь не издох.
Просто видно накопилось.
Обнаружил вдруг, что лох.

Как сестру обняв бутылку,
Неразборчиво мыча,
Отправляю мысли в ссылку
И учу язык молчать.

Пшли все нахрен! То ж не пьянство.
Я печален, а не пьян.
Горожу спиной пространство -
Отвоеванный обман.

Воровато укрываюсь
Невозможностью понять
Для чего же умираю,
Если утром снова мчат?

Природные катаклизмы в поэзии очень короткий критический обзор.

... а плакса осень зазевалась –
будильник сдох. До электрички
не добежала и осталась

одна надежда на привычки.

У поэтического сброда,
так убедительно и пылко,
своя природа и погода,
как чертик, лезет из бутылки.

Раз календарь расскажет – осень,
пусть солнце жарит, лес зелёный,
ему в глаза ударит «просинь»,
ветра, дожди, нагие клёны.

Ещё прощальные багрянцы
с полями щемятся на случку...

В окно бы глянули, засранцы,
а уж потом хватали ручку.

Советы неискушенному придурку.

Когда твоя баба с ТАКИМИ зубами

И красным намазаны острые когти,

Идти на сближение надо кругами.

А просто так сунуться – схватишь от злости.

Когда твоя баба шипит и клокочет,

А также бормочет, скривив хищно губы,

Случается смыться под крылышко ночи

И там уж спастись трудом от пагубы.

Ты понял все дурик? И кажется, ясно
Про скрежет зубовный – страшнее не будет.
Страшнее, когда ТВОЯ баба прекрасна,
Мазнет скучным взглядом, уйдет и забудет.

Поскольку не умею работать в пол силы, отдался процессу полностью. Потому, наверное, и не заметил того момента, когда стихи начали писать меня сами. Наружу полезло самое худшее из закопанного внутри меня на тот период времени. Но зато какие личности обоего полу приходили ко мне в гости! Даже товарищ начальник пожаловал «во избежание». Не могу сказать, что происходящее меня во всём устраивало, но это было захватывающее время.

Да и Арестарх оказался не таким уж и гадом. Даже помешалось некоторое родство душ.

***

Жалко бабу. Ей досталось
То, что хрюкало, кусалось.
И осталась только жалость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.